
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

*Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ В 1797 ГОДУ

1797 г. стал годом начала серьезных преобразований в Петербургском воспитательном доме, связанных с кончиной И. И. Бецкого (1795 г.), Екатерины II (1796 г.) и вступлением на престол Павла I. 1797 г. открыл эпоху самостоятельной, отдельной от московского, жизни столичного Воспитательного дома. Новый период деятельности воспитательных домов был тесно связан с первым этапом их существования — с эпохой И. И. Бецкого. Преемственность заключалась не только в том, что воспитательные дома конца XVIII — начала XIX в. развивались на основе, заложенной в предшествующее царствование. Она проявлялась и в том, что общие контуры перестройки воспитательных учреждений для сирот были намечены Екатериной в одном из последних ее распоряжений, подписанных 28 октября 1796 г. Именно она впервые предложила разделить воспитанников на штатных и деревенских, а также потребовала ввести правило, по которому дети, отправляемые на воспитание по деревням, по достижении совершеннолетия зачислялись в разряд казенных крестьян¹.

Однако Екатерина не успела осуществить задуманного. После ее смерти руководители столичного дома поспешили продемонстрировать свою лояльность новому монарху. Еще летом 1796 г. Петербургский опекунский совет получил заявление от близкого к семье наследника престола С. И. Пущина, желавшего поступить в опекуны. Заявление сопровождалось просьбой цесаревича Павла Петровича о помещении просителя «на первооткрывшуюся вакансию». Реакции совета тогда не последовало. 11 ноября 1796 г. главный попечитель граф Х. С. Миних предложил опекунам принять С. И. Пущина «в свои сочлены», несмотря на отсутствие вакансии, чтобы совет смог таким образом показать «свою преданность и тщательность к исполнению воли» государя. О соблюдении правил замещения должностей, установленных И. И. Бецким, не было и речи. Впрочем, усердие не спасло графа Х. С. Миниха, и 22 декабря 1796 г. Павел I подписал указ о назначении Главным попечителем Я. Е. Сиверса². Порядок, предписанный для таких случаев «Генеральным планом» екатерининских времен, на этот раз нарушил сам император.

До начала мая 1797 г. в делах воспитательных домов царило затишье. Видимо, как раз тогда решался вопрос об их будущей судьбе. Наконец, 2 (по новому стилю 13) мая Павел I подписал указ «О принятии главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах императрице Марии Федоровне». В указе сообщалось: «Как по воле Нашей Ее Императорское Величество, Наша вселюбознейшая супруга из человеколюбия, сродного Ей, и желая споспешествовать общему добру, приемлет на Себя главное начальство над воспитательными домами в обоих престольных городах Наших учрежденных, со всеми принадлежащими к ним заведениями; то вследствие сего и повелеваем попечителю оных относиться в чем надлежит, к Ее Величеству; в прочем, что касается до опекунских советов и до употребления капиталов на пользу сего заведения, поступать по изданным о том установлениям»³.

С переходом под покровительство Марии Федоровны Петербургский воспитательный дом, сохранив прочные связи с родственным учебно-воспитательным заведением в Москве, получил самостоятельность и начал обретать свои неповторимые черты. В годы управления Марии Федоровны в ее благотворительных учреждениях были заложены основы педагогического образования выпускников Петербургского воспитательного дома. Именно поэтому РГПУ им. А. И. Герцена, преемник педагогических традиций и организационных форм Петербургского воспитательного дома, ведет отчет своей истории со 2 (13) мая 1797 г.

Получив императорский указ, опекуны торжественно отметили появление новой августейшей покровительницы. По резолюции Петербургского совета «во изъявление всеобщей радости воспитательного дома» и «признательности к чадолюбивейшему Их Императорских Величеств призрению

безгласных младенцев» 12 мая священник совершил всенощное бдение, а на следующий день в присутствии воспитанников и служащих была отслужена литургия с благодарственным молебном о здравии императорской четы. В Петербурге решили подготовить подробные сведения о детях и служащих на случай прибытия Марии Федоровны⁴.

В самом деле, с первых же дней пребывания в должности «главнокомандующей над воспитательными домами» императрица развила бурную деятельность и энергично взялась за наведение в доме порядка, который за последние годы екатерининского царствования в определенной степени пошатнулся. Особое внимание она уделяла Петербургскому дому. В первую очередь, ее волновали проблемы спасения жизни грудных питомцев и медицинского обслуживания детей. Уже 3 мая государыня распорядилась ежегодно выдавать из своих доходов 9000 рублей в пользу детей, находившихся у кормилиц. 18 мая, выяснив, что до трети питомцев в столице включены в списки больных, она пригрозила медикам увольнением. Заслуженному человеку, голицынскому пансионеру и знаменитому врачу Н. Максимовичу-Амбодику пришлось объяснять, что приносимые в дом дети в большинстве своем нездоровы, возвращаемые от деревенских кормилиц «покрыты чесоткой, различной сыпью, струпьями, шелудьями, язвами и другими кожными болезнями», помещения дома слишком тесны, и вообще число больных «ни от начальников, ни от врачей не зависит». Позднее, осенью 1797 г., императрица продолжала заниматься решением медицинских проблем: она направила в Петербургский опекунский совет рекомендации по лечению питомцев, подготовленные доктором И. Ф. Бекон, а также давала личные указания, уточняющие диету для них⁵.

Августейшая покровительница установила постоянный контроль над работой дома. 21 мая последовало распоряжение главному надзирателю дома И. Г. Сумбатову дважды в неделю представлять ей ведомости о числе детей и служащих. Согласно первой из них, в ведении Петербургского дома тогда состояло 3927 воспитанников обоого пола (включая детей, отданных на воспитание в деревни), причем старшему из мальчиков исполнилось 15 лет. В то же время в доме находились 86 девушек в возрасте от 16 до 20 лет. Штат служителей составлял 180 человек. Встала проблема устройства судьбы взрослых воспитанниц. Не обошлось и без недоразумений. Воспитанница А. Сергеева, мастерица, «хорошо выученная золотошвейному делу», попала в прислуги к графине С. В. Строгановой. 1 октября 1797 г. главный попечитель предписал выпускать питомиц только с письменного согласия главной надзирательницы. Позднее, в 1798 г., в «Ведомостях» было помещено объявление о том, чтобы желающие принять в дома обученных выпускниц являлись к главному надзирателю. Кроме того, из представленных списков новое начальство усмотрело, что воспитанники, крещенные в доме, «имеют все отчества находящегося священника Никитины». Последнего вызвали в Совет и потребовали приглашать на крестины разных служителей и воспитанников, чтобы питомцы получали «отчества различные»⁶. Одинаковые имена и отчества, игравшие роль фамилий, вносили большую путаницу в документы.

5 июля императрица утвердила новые правила отправки младенцев в деревню, к кормилицам-крестьянкам. Отдавать им полагалось только здоровых детей, освидетельствованных лекарем, следить, чтобы малышей кормили грудью и содержали в чистоте. Архитектору следовало подготовить план перестройки тесных помещений дома. К сожалению, всего через месяц обстоятельства заставили Марию Федоровну отступить от правил. В августе, в сезон уборочных работ, в Петербургском доме обнаружилась нехватка кормилиц. Попытки императрицы подыскать их в собственных владениях провалились. Женщины заявили, что рассчитывали поступить в «важный частный дом» и отказались вскармливать подкидышей. Пришлось распорядиться об экстренном отправлении по деревням всех детей, включая больных и недоношенных.

5 июля, в тот же день, когда вышло распоряжение о грудных питомцах, императрица обратила внимание и на обучение старших детей. Она потребовала внести некоторые изменения в программу их обучения, в частности, усилить его религиозную направленность и увеличить часы на изучение Закона Божьего. Главный надзиратель Петербургского дома преподнес ей исправленное расписание занятий с широким кругом общеобразовательных предметов и практических дисциплин.

9 июля Павел I подписал указ, потребовавший, чтобы опекунские советы заняли более жесткую позицию по отношению к должникам домов. На протяжении павловского царствования долги тех, кто получил ссуду в сохранной или ссудной казне Петербургского дома, взыскивали твердо и решительно⁷.

5 октября 1797 г. Мария Федоровна представила супругу доклад. Она предлагала распорядиться, чтобы митрополиты и губернаторы предписали священникам и нижним земским судам Петербургской и Московской губерний доставлять точные сведения об отправленных в деревни питомцах, а также присматривать за их содержанием. 9 октября Павел I подписал подобный указ в части, касающейся губернаторов, и письмо, адресованное митрополитам. Петербургскому губернатору передали список деревень с числом проживавших там детей обоего пола. В ответном рапорте одного из нижних земских судов — Шлиссельбургского — сообщалось о том, что трое детей содержатся в деревнях уезда «во всякой чистоте и довольствии», они здоровы, не считая того, что у одного мальчика «от оспенной болезни глаз сделался крив». Духовная же консистория потребовала от администрации дома представлять ей именные списки детей и приказывать кормилицам, получавшим детей, отмечаться у приходского священника⁸. Контакты с местными властями и духовенством, по замыслу императрицы, должны были способствовать усилению контроля над крестьянами-воспитателями.

Все предыдущие указы послужили увертюрой к главным постановлениям, открывшим новый период в работе Воспитательных домов, в первую очередь, Петербургского. 15 декабря 1797 г. императрица предложила приобрести для столичного дома, взамен старого тесного здания, дворец графа К. Г. Разумовского на Мойке (ныне — главное здание РГПУ им. А. И. Герцена). На следующий день император повелел опекуному совету оформить на него купчую.

23 декабря по докладу супруги Павел I утвердил новый порядок организации, воспитания, обучения и устройства судьбы питомцев. «Главнейшей виной (причиной. — *Т. Ф.*) устройства воспитательных домов» называлась «единая из богоугодных обязанностей человечества — любовь к ближнему, действие ее обращается к тому, дабы исторгнуть из рук смерти невинное человечество, которого рождение не одобряется законом, дабы воспоить чуждым млеком несчастного младенца, при самом рождении виновниками его бытия оставленного, и дабы, наконец, сего среди родителей своих сироту призреть, воспитать и образовать его душу и сердце и учинить полезным ему самому и обществу». Итак, дом предназначался главным образом для брошенных внебрачных детей.

«Установления» сообщали, что дом, занимаемый петербургскими питомцами, «при внутренней тесноте, не имея пространных дворов и садов, всеконечно весьма сильно действует на жизнь младенцев». Для обеспечения «чистоты и свежести воздуха», а также в целях «усовершенствования первоначальных правил благонравия» предполагалось «прикупить» к дворцу графа К. Г. Разумовского «соседственный» дом (ныне — 2-й корпус РГПУ им. А. И. Герцена), который позволил бы разделить детей по полу, как это уже было принято в Москве.

«Неизвестность (числа) питомцев», по мнению законодателей, приводила к «неограниченности издержек» дома и не способствовала тому, чтобы дети достигали успехов в обучении. В соответствии с проектом, подготовленным в последние дни царствования Екатерины II, планировалось ограничить число питомцев рамками штата и «в каждой столице иметь не более 500». Остальных детей следовало отправлять в деревни. Их ожидал жребий казенных крестьян. За воспитание мальчиков до 17, а девочек до 15 лет крестьянам предполагалось платить. Отменялась статья «Генерального плана», при определенных условиях дававшая возможность освободиться от крепостной зависимости мужьям воспитанниц. Свободное состояние сохраняла теперь только сама выпускница дома. Ее муж и дети оставались крепостными. Награждение чином XIV класса купцов и представителей других сословий, пожертвовавших на нужды Дома единовременно не менее 1000 рублей, как это предусматривалось И. И. Бецким в «Генеральном плане» 1763 г., также отменялось. Пожалованием, по мнению законодателей, следовало отмечать только службу государю, и такое право принадлежало исключительно самому государю.

Воспитанников «редкой остроты ума» полагалось «отсылать в академии» для развития их способностей. Дальнейшая история Петербургского воспитательного дома свидетельствует, что императрица Мария Федоровна скрупулезно выполняла положения этой статьи. Десятки выпускников дома в начале XIX в. получили высшее образование в Медико-хирургической академии, Академии художеств и в различных университетах. О женском педагогическом образовании в «Установлениях» 1797 г. еще не упоминалось. Система подготовки девушек-«наставниц» будет создана через несколько лет.

«План для воспитания 500 младенцев в каждой столице» разделял детей на 5 возрастов. Здоровых малышей предполагалось «немедленно отдавать по деревням». В домах планировалось оставлять только «совершенно слабых» младенцев. Питомцев, попавших в число штатных, собирались

обучать «познанию веры», чтению, письму, арифметике, немецкому языку, географии, рисованию, ремеслам, рукоделиям и «хирургической науке». «Статное число детей» планировалось воспитывать до 18 лет. От воспитания следовало «отринуть все то, что клонится к ослеплению блеском глаз» (камень в сторону системы И. И. Бецкого и Екатерины. — *Т. Ф.*). Вместо этого вводились «надежные и полезные правила к совершенному познанию христианского закона, нравственности и приобретению сведений, нужных для ремесел и рукоделий»⁹. Таким образом, программы обучения и штаты надзирателей несколько сокращались.

27 декабря 1797 г. Павел утвердил и новый регламент опекунского совета. При Екатерине и И. И. Бецком опекуны из дворян с чином не ниже VI класса по «Табели о рангах» сначала работали на общественных, безвозмездных началах, а позднее превратились в профессиональных служащих, получавших жалование. По указу императора Павла должность опекуна превратилась в почетную придворную службу. Мария Федоровна полностью заменила состав совета. Его члены стали именоваться почетными опекунами. Это были представители знати, чиновники самых высоких рангов, входившие в ближайшее окружение коронованной покровительницы воспитательных домов. Она считала их людьми «лучших качеств, заслужившими уважение и доверенность, призванными к подвигу сему не платою, но единою любовью к отечеству и к ближнему», так что жалования за свою работу в совете они не получали. В новом опекунском совете, помимо обязанностей «надзирания и отчета вообще», каждый опекун получил особое поручение и отвечал, к примеру, за содержание питомцев по деревням, за работу городского воспитательного дома или его сохранный казны¹⁰.

Итак, необходимость преобразований воспитательных домов видела еще Екатерина II, однако, несмотря на охлаждение отношений с И. И. Бецким, она не начинала их преобразований при его жизни. Марии Федоровне воспитательные дома достались не в лучшем состоянии. В последние годы царствования Екатерины старческие немощи И. И. Бецкого, отстранение его от должности, назначение «исполняющего должность преемника главного попечителя», а также уменьшение интереса Екатерины к воспитательным домам, несомненно, способствовали «ослаблениям присмотра» и «втекающим в состав его злоупотреблениям», как говорилось в «Установлениях» Марии Федоровны. Острые проблемы воспитательных домов, в частности Петербургского, не только не охладили рвения новой покровительницы, но, похоже, даже увеличили ее энергию.

Реформы, начатые в 1797 г., свидетельствовали об отказе от многих положений плана И. И. Бецкого. Петербургский воспитательный дом превратился из организации, патронируемой обществом, в образцовое официальное учреждение, пользовавшееся особым покровительством монархов и живущее от их щедрот. На деятельность воспитательного дома наложили отпечаток и собственные воззрения императрицы, европейской женщины, сформировавшейся в русле идей Просвещения. Распоряжения Марии Федоровны не раз меняли конкретные правила воспитания и обучения питомцев, однако, может быть, даже вопреки ее субъективным стремлениям, гуманистические идеи Просвещения, идеи И. И. Бецкого по-прежнему пронизывали повседневную жизнь созданного им учреждения. В самостоятельном Петербургском доме сохранялось главное ядро плана основателя дома — бессловный подход к брошенным детям, широкое их образование и стремление к развитию способностей. Полностью откажется от идей И. И. Бецкого, Екатерины II и Марии Федоровны сын последней Николай I только после смерти матери в 1828 г. Однако к этому времени усилиями Марии Федоровны в учебно-воспитательных заведениях Петербургского дома уже были заложены основы педагогического образования, рассчитанного на работу с детьми разных возрастов, а также музыкально-педагогического образования. Начала складываться петербургская школа сурдопедагогики. То лучшее, что было наработано в учебных классах Петербургского воспитательного дома, созданных и получивших развитие благодаря хлопотам императрицы, унаследовали словные учебно-воспитательные заведения, которые были организованы при нем в последующие десятилетия. Особое внимание в Мариинском ведомстве традиционно уделялось женскому образованию. Не случайно именно под его покровительством в эпоху великих реформ появились первые женские гимназии, педагогические курсы при них, а в начале XX в. — единственный в России Женский педагогический институт университетского типа, на базе которого вырос современный Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Примечания

1. *Майков П. М.* И. И. Бецкой: Опыт его биографии /П. М. Майков. СПб., 1904. Прил. С. 37.
2. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 24. Л. 1–6; Д. 26. Л. 1.
3. ПСЗ. Т. 24. № 17952.
4. РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 429. Л. 3; Оп. 26. Д. 370. Л. 1; Д. 425. Л. 1; Д. 477. Л. 1–188.
5. Там же. Оп. 20. Д. 156. Л. 2; Д. 139. Л. 1–5 об.; Д. 191. Л. 1–9; Д. 140. Л. 2.
6. Там же. Д. 147. Л. 1–5; Д. 152. Л. 1–8; Д. 140. Л. 4.
7. Там же. Д. 149. Л. 1Б–18 об.; Д. 137. Л. 1–14 об.; Ф. 759. Оп. 8. Д. 6. Л. 34–36.
8. Там же. Ф. 758. Оп. 20. Д. 148. Л. 1–23.
9. Там же. Д. 154. Л. 1–5 об.; Оп. 9. Д. 429. Л. 5 об.–10 об.; Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 207–215.
10. Там же. Ф. 759. Оп. 8. Д. 1. Л. 41–43 об.; Ф. 758. Оп. 9. Д. 429. Л. 11.

Е. Н. Груздева,
бильд-редактор издательства
Е. М. Колосова,
директор музея истории университета

ЖЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ (1913–1917)

В 1913 г. по всей России широко отмечалось 300-летие Дома Романовых. Столица Российской Империи к торжествам заметно преобразилась: были построены новые парадные здания, улицы украшены флагами и цветами, через Неву перекинут самый крупный железнодорожный мост. Праздничная атмосфера царила и в Императорском женском педагогическом институте, который в юбилейном для династии Романовых году переживал пору своего наивысшего расцвета. Он был единственным женским институтом в России, признававшимся правительством и Министерством народного просвещения в качестве высшего учебного заведения.

Его непосредственным предшественником были Педагогические курсы при Санкт-Петербургских женских гимназиях, открытые в системе Ведомства учреждений императрицы Марии в 1859 г. Первоначально круг предметов, входивших в программу курсов, был направлен главным образом на расширение теоретических знаний, полученных в гимназиях. Но очень скоро курсы стали приобретать специальный педагогический характер за счет добавления особых учебных предметов — педагогики, анатомии, возрастной физиологии, педагогической практики в базовой гимназии.

В конце XIX в. в преподавательский состав Педагогических курсов влились молодые энергичные выпускники университета: историки А. Е. Пресняков, С. В. Рождественский, М. А. Полиевктов, филолог А. К. Бороздин. Они живо откликнулись на предложение преобразовать курсы в Женский педагогический институт. Идея исходила от инспектора курсов адмирала А. Н. Страннолюбского и была одобрена попечителем заведения великим князем Константином Константиновичем, известным в России как поэт, писавший под псевдонимом КР. Преобразованию курсов способствовало и общественно-педагогическое движение начала XX в. На этой общепедагогической волне группа молодых преподавателей и занялась разработкой расширенной программы четырехлетнего обучения. Еще в 1898 г. А. Е. Пресняков писал: «Программу эту мы стряпаем в конспиративном кружке из 7 человек (все молодежь). <...> Курсы, как они теперь поставлены, — учреждение маргариновое, а мы хотим создать высшее заведение особого типа»¹.

Когда программы нового института были разработаны и утверждены, великий князь Константин Константинович пригласил на должность директора известного петербургского профессора русской истории С. Ф. Платонова. Выбор попечителя оказался весьма удачным: благодаря авторитету и связям С. Ф. Платонова в научной и преподавательской среде в штат Женского педагогического института вошли философы Э. Л. Радлов, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, историки Э. Д. Гримм, А. А. Васильев, Д. К. Петров, математики К. А. Поссе, Н. Н. Гернет, естественники М. Н. Римский-Корсаков, В. Т. Шевяков и другие. Лекции и практические занятия в новом институте по научному уровню и объему содержания не только не уступали университетским, но и были